

С.Ш. Тахан

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,

Нур-Султан, Республика Казахстан

(E-mail: takhan@mail.ru)

**Проблема изображения нового типа национального характера
в романе М. Магауина «Сары қазақ»**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы проявления национального типа сознания в художественном характере главного героя романа М. Магауина «Сары қазақ». Определение новизны типа положительного героя тесно связывается с отражением в его образе философии истории казахского народа. Автор романа через характеросложение репрезентирует в реальном социальном пространстве современности процесс восстановления разорванных духовных связей казахского народа с культурно-историческими традициями прошлых веков. Национальный характер раскрывается не только в изображаемых конфликтах, но и с обязательным условием соотнесения поступков и мыслей персонажа с реалиями и феноменами национально-народного, общественного бытия в большом историческом времени. Всем строем сюжетно-композиционной организации романа писатель уверенно доказывает закономерность представленной диалектики художественного характера вымышленной исторической личности, убеждает, что изображенное возможно, могло быть, и тем самым совмещает свой эстетический идеал с историческими задачами, стоящими перед казахстанским обществом сегодня.

Ключевые слова: художественный характер, национальный тип, историзм, сюжет.

Введение

Изучение литературного произведения – это выявление и описание «художественной модели мира», предложенной его автором [1, с. 362]. Содержательную основу этой модели скрепляет образность, придающая художественному миру произведения литературы статус эстетического целого. Анализ образной структуры произведения равнозначен размышлению о его художественном содержании, являющемся основой формы как целого [2, с. 149]. Эстетическое качество произведения, его аксиология напрямую зависят от степени художественности повествования о мире и человеке в нем. Художественный образ человека – художественный характер занимает в иерархии литературно-художественных образов главенствующее положение. В типологии художественных образов в литературе образ человека вызывает непреходящий и особый интерес, обусловленный сложными формами его проявления в пространстве повествования. Специального внимания заслуживает проблема национального выражения человека в литературном произведении, воплощения изобразительно-выразительными средствами языка национального типа сознания в художественном характере. Тип национального характера, представленный в талантливом произведении, во многом отражает не только духовно-нравственное и интеллектуальное состояние нации в актуальном времени его создания, но и свидетельствует об особенностях эволюции творческой психологии автора. Рождение образа главного героя романа М. Магауина «Сары қазақ» (1991) [3] во многом связано именно с кардинальным изменением общественно-эстетических ориентиров в казахском обществе, обусловленном событиями, предшествовавшими провозглашению государственной независимости Казахстана. За два десятилетия до этого знакового политического события общенационального значения в общественной и культурной жизни

Казахстана стали постепенно развиваться события, существенно повлиявшие на психологию творчества казахских писателей, вызвав такую ее эволюцию, когда субъект творчества снова актуализирует в своем опыте художественных исканий момент преемственности с национальной образно-поэтической и письменно-литературной традицией изображения человека, чтобы придать новый смысл понятию новаторства в национальной литературе. Новаторство М. Магауина проявилось в том, что во всех его художественных произведениях, начиная с семидесятых годов XX века, наблюдается углубленная историзация художественного сознания, проявляющаяся в стремлении раскрывать характеры своих героев не только в изображаемых конфликтах, но и с обязательным условием соотнесения их поступков и мыслей с реалиями и феноменами национально-народного, общественного бытия в большом историческом времени. Каждое художественное проявление национального характера у Магауина несет в себе отсвет философии истории народа, и это касается не только персонажей произведений на исторические темы (исторический роман-диалогия «Аласапыран», 1980-1982) [4], но и героев романа («Голубое марево», 1976) [5], повестей и рассказов на темы современности. Уникальное сопряжение истории и современности можно видеть в диалектике художественного характера главного героя романа «Сары казак» Стамбека Даулеткельдиева.

Новизна типологических особенностей национально выраженного художественного образа в романе заключается в авторском стремлении особо акцентировать внимание на факторах субъективного бытия человека, которые помогают ему остаться самим собой в самых сложных исторических обстоятельствах и обрести смысл своей жизни в погружении в пласты национальной культуры и слиянии усилий воли с ее традиционными ценностными установками. Новый тип национального характера – образ Стамбека Даулеткельдиева явлен как литературный феномен, репрезентирующий в реальном социальном пространстве современности процесс восстановления разорванных духовных связей казахского народа с культурно-историческими традициями прошлых веков.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования является текст романа М. Магауина «Сары казак», в котором выявляются и систематизируются смысловые доминанты, связанные с выявлением национальной составляющей характера главного героя, в единстве анализа сюжета, речевого и образного слоев данного художественного произведения. Методологической основой исследования являются научные работы казахстанских литературоведов С. Кирабаева [6, 7] и Р. Нургали [8, 9], в которых проблема типологии национальных характеров находит свое разностороннее освещение. При решении поставленных задач предполагается опора на историко-функциональный метод, обеспечивающий последовательность в понимании феноменов национальной литературы, которую мы рассматриваем как часть мировой литературы. Направленное действие художественной системы романа М. Магауина «Сары казак» проявляется в сильном воздействии его образов на современных читателей, литературные симпатии и вкусы которых на современном этапе развития национального искусства художественного слова сильно изменились. Историко-функциональный подход предполагает изучение жизнеспособных литературных произведений, продолжительно влияющих на читательскую аудиторию [10]. Также для предпринятого исследования особенностей образа национальной личности в произведении казахской литературы использован аксиологический подход в литературоведении, продемонстрированный в трудах М.М. Бахтина [1], В.Е. Хализева, [2], Х.Р. Яусса [11] и К.К. Султанова [12].

Степень изученности темы

Исследование творчества Магауина является одной из заметных страниц казахского литературоведения. Видный казахский литературовед Н. Габдуллин в начале восьмидесятых

годов прошлого века в своей книге «Уақыт сыры» [13, с. 27-33] проанализировал повести и рассказы Магауина, написанные в предшествующем десятилетии, и подвел своеобразные научные итоги дискуссий о своеобразии творческих открытий писателя. Ученый отметил его тематическую ориентированность на изображение образов казахов, творческих личностей, кюйши, писателей, композиторов, ученых, простых тружеников-современников с тонким поэтическим настроем души. Как полагал исследователь, внимание Магауина к самобытным характерам своих героев обусловлено его стремлением способствовать возрождению лучших традиций казахской культуры прошлого, желанием показать глубинное стремление современников к истинной духовности и целостности мировоззрения, достижимой только на путях возвращения к своей национальной ментальности. Н. Габдуллин особо подчеркивал мастерство Магауина в раскрытии художественных характеров в единстве причинно-следственных связей, умение глубоко проникать во внутренний мир персонажа, тонко инструментируя его разнополюсные переживания.

В контексте социальной актуальности раскрытия самобытной ментальности казахского народа, что неизбежно влекло за собой стремление казахской творческой интеллигенции способствовать в своих произведениях восстановлению утраченной исторической памяти, критики литературоведы рассматривали и следующий исторический роман-диологию Магауина – «Аласапыран». Литературоведы заговорили о внутренней закономерности обращения Магауина к жанру исторического романа, в дальнейшем уточняя и углубляя наблюдения в этом направлении научных исследований [14, 15, 16, 17, 18, 19]. В предшествующих его произведениях на темы духовно-нравственных исканий современника верно обращалось внимание на историзм социально-нравственных аспектов характера [20, с. 141-142]. Исторический персонаж – главный герой романической дилогии «Аласапыран» Магауина Ораз-Мухамед – реально существовавшая историческая личность, потомок чингизидов, провозглашенный в 1600 году русским царем Борисом Годуновым Касимовским ханом. Писатель создает убедительный художественный характер Ораза-Мухамеда, в котором автором предлагается концепция национальной личности, репрезентирующей глубинные коды казахской истории в единстве ее героических и трагических составляющих. Эта авторская концепция характера является авторской формой размышления о путях развития современного казахского общества. Перипетии сознания героя дают достаточно верное представление о переживании человеком, обществом в целом, своего прошлого, настоящего и будущего. Казахская историческая романистика последних десятилетий XX века, в первом ряду которой стоит роман «Аласапыран», меняет соотношение прошлого с современностью в литературе. Верный вывод в этом плане сделан литературоведом Ш. Елеукуновым: «Так называемая «вышка» современности открыла глаза на то, что ранее затуманивалось и чем пренебрегали» [21, с.126]. Образ Ораза-Мухамеда в «Аласапыране» является абрисом нового национального типа в творчестве Магауина, и в этом контексте заслуживают внимания размышления и литературного критика С. Хасана о генеалогии главного героя романа «Сары қазақ» [22]. Критик полагает, что собирательный образ Стамбека Даулеткельдиева воспринимается как продукт эпохи упадка колониальной системы, последовавшей после времени Ораза-Мухамеда. Одним этим романом автор сумел раскрыть и показать доселе глубоко скрытые тайны колониального управления, длившегося целую вечность. Роман для Магауина стал логическим продолжением его творческого замысла показать жизнь казахского народа «после Ораза-Мухамеда» [22]. С. Хасан не акцентирует внимание на внутренней художественной логике развития характера главного героя, преимущественно размышляя о роли романа «Сары қазақ» в общей творческой эволюции писателя. Интересны выводы критика Е. Еркина о жанровой природе романа «Сары қазақ» [23]. Автор статьи в определении жанра опирается на аналогии в сюжетной структуре романа и философском наполнении размышлений главного персонажа с сюжетно-смысловым строем классических утопических сочинений европейских мыслителей от Платона до Томаса

Мора. Он приходит к выводу о том, что мир идиллических патриархальных отношений, обретенный и защищаемый Стамбеком Даулеткельдиевым, – это утопия, а окружающий его степную ойкумену советский мир – антиутопия [23]. Вместе с тем, в статье Е. Еркина вопрос типологии художественного характера, его внутренних взаимосвязей с идейно-художественной концепцией автора в романе не ставится и не решается. Разные исследовательские аспекты творческой лаборатории автора, художественно-эстетических достоинств, социологии и рецепции произведений Магауина нашли свое отражение в ряде статей и научных очерков [24, 25, 26], но вместе с тем следует сказать, что специального изучения проблем, связанных с типологией национального характера в произведениях Магауина, на сегодняшний день в казахском литературоведении нет. Обращает на себя внимание отсутствие отдельных научных работ, рассматривающих собственно проблематику романа «Сары казак», в том числе типологию характера главного героя этого произведения. В нашем исследовании мы поставили целью восполнить этот пробел и рассмотреть главные аспекты изображения национального характера в романе М. Магауина «Сары казак».

Анализ

Хронотоп романа Мухтара Магауина «Сары казак» складывается из значимых событий жизни казахского и русского народов конца XIX – первой трети XX веков, переживаемых неординарной личностью, сформированной в русском национальном космосе, но силой обстоятельств перемещенной в казахскую среду, существенно повлиявшую на нравственно-этическое содержание сознания героя. Пращуры главного героя, в начале романа носившего имя Станислава Юрьевича В., впоследствии ставшего Стамбеком Даулеткельдиевым, были казахами, добровольно принявшими русское подданство и обрусевшими. Род Станислава Юрьевича – Стамбека Даулеткельдиева в течение нескольких столетий честно и преданно служил русскому трону.

К середине XIX века в правящем дворянском классе России наметился внутренний идейный раскол, и значительная его часть изменила традиции верноподданничества, заразилась скепсисом в отношении возможности царизма обустроить Россию. Попытки многих русских помещиков самостоятельно проводить социально-экономические реформы в своих имениях не увенчались успехом. Барские нововведения вызвали у крестьян только неприязнь и молчаливое сопротивление, что окончательно подорвало веру части молодой поросли русских дворян в эволюционный путь развития России. Воздух эпохи, пропитанный нигилизмом, насытил перманентный процесс революционного брожения в обществе идеями террора и насилия, которые в конце XIX – начале XX веков стали воплощаться в жизнь по всей Российской империи.

Одним из тех, кто порвал с дворянским окружением и выбрал путь индивидуального террора против властей предрержащих, стал студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета Станислав Юрьевич В., будущий Стамбек Даулеткельдиев. Очень характерно для молодого героя романа то, что он начал свою кровопролитную личную борьбу с отдельными представителями репрессивного аппарата царизма по велению совести, а не по плану руководителей какой-либо заговорщической организации. С самого начала повествования Станислав Юрьевич предстает перед читателем человеком до предела искренним с самим собой, от природы наделенным чувствами справедливости и доброты.

По изначально заданной логике художественного характера Станислав Юрьевич не мог долго оставаться в тенетах безнравственного революционного учения. Временное признание главным героем власти над собой умозрительной идеи тотального очищения общества от скверны прошлого подвело его к грани нравственной деградации. Руководствуясь императивами идеи классовой борьбы в социальной практике, он неизбежно стал терять человеческий облик.

Осужденный за революционную деятельность и отправленный по этапу в Сибирь, герой нашел возможность вырваться из рук конвоиров и бежать в казахские степи. Так он оказался среди казахов в степном ауле начала XX века, и это событие положило начало сложному процессу обретения Станиславом Юрьевичем нового мировоззрения. Первые опыты знакомства героя с казахским окружением обнаруживают в нем сильную внутреннюю зависимость от устоявшихся стереотипов восприятия средним русским человеком того времени быта и нравов нерусских народов, и вопреки своему революционному нигилизму по отношению к официальной великорусской идеологии, Станислав Юрьевич в своей высокомерной оценке форм социальной и культурной организации жизни казахского аула как примитивных совпадает с колониальными критериями царской администрации.

Герой со смешанным чувством жалости и презрения относится к жителям приютившего его аула. Благодарность за спасение не мешает персонажу подозревать спасителей в худших намерениях, более того, он оказывается в оппозиции к основам бытия казахского народа, и его критические мысли парадоксально смыкаются с расовыми фетишами русского великодержавного сознания. Он усматривает несправедливость в том, что полудикие казахи на громадных просторах продолжают жить по своим законам.

Перелом в сознании Станислава Юрьевича наступил тогда, когда за ним пришли казаки, чтобы забить его в колодки и отправить снова по этапу как государственного преступника, а целый аул казахов рискует жизнями, чтобы выполнить человеческий долг, как они понимают, – отвести беду от гостя. Потрясение у героя вызвало, прежде всего, то, что казахи напомнили герою, недавно с легкостью отправлявшему людей на тот свет, о существовании меры ответственности каждого за жизнь другого, о важности для человека чувства сопричастности в преодолении страданий и горя другим человеком.

Сильное душевное переживание Станислава Юрьевича приводит к трансформации его личности, герой встает на путь обретения новой философии истории. Обрести эту философию дано только тем, кто смог преодолеть барьер монистической интерпретации в духе национальной исключительности, когда любование яркими эпизодами и сильными личностями в прошлом своего народа притупляет внимание к глобальным тенденциям общечеловеческого развития, в которых угадывается обратное ожидаемому с позиции национальной гордости прогрессу замедление в развитии родного этноса.

В герое заговорила кровь степных кочевников, когда он увидел последствия гнета России над казахами. Обращая взоры на средневековую историю Орды периода ее мощи, он испытывает некое озарение. Обобщение настроений бесприютности и пессимизма, которое он наблюдал у русской молодежи, будучи не самым последним среди ее активных возбудителей революционной смуты, накладывается им на кривую взлетов и падений этносов, и выходит формула переменности состояний народов в их движении во времени как непреложного закона сохранения цивилизации.

Персонаж начинает видеть в поляризации агрессивной энергии русского общества в лице революционеров стремление законсервировать имперские позиции. За шелухой идей интернационализма он прозревает намерение европейцев увековечить господствующую роль в решении общемировых дел. При всей возвышенности целей назревающей революции для героя теперь очевидно пренебрежение ее вдохновителей естественными интересами неевропейских народов. Но логика истории такова, что в проявлении вкуса к свободе у народов разного цвета кожи и выражается в обогащенном виде общечеловеческий нравственный закон. В основе гуманного отношения казахов к беглому русскому революционеру общечеловеческая истина, что все люди – дети одной матери, но сколько нюансов в эту ситуацию привносит то, что кочевники с открытым сердцем приняли его в новую семью, оставив при этом за ним право свободного выбора: оставаться или вернуться во враждебную им среду. Станислав Юрьевич приходит к убеждению, что Иисус Христос принес людям свое учение с ясным осознанием

того, что оно во всей мудрости будет раскрываться и пополняться в исторических переменах тысячелетий, и нет никаких оснований думать, что какие-то избранные расовые образования будут принуждать остальное человечество к равнению на их мораль. К герою приходит понимание того, что освобождение простого человека от жестокости и несправедливости жизни будет осуществляться не на путях утверждения новой государственности на развалинах Российской империи, а воплощаться через национально-освободительное движение.

Первая мировая война сдула последний налет экзотики с наблюдаемых героем картин быта и нравов казахов. Он незаметно для себя стал вписываться в лоно другой жизни, и она открылась персонажу с таких сторон, что бесспорность ее ценностных ориентаций стала для него аксиомой. Герой добровольно отказывается называться Станиславом Юрьевичем В., принимает другое имя – Стамбек, считает теперь за честь и святую свою обязанность защищать интересы рода, сыном вождя которого объявлен. Иначе для него и не может быть. Воспользовавшись войной, вельможные слуги царизма перешли к крайним формам притеснения народа, который нашел свои достаточно разумные пути интеграции с окружающей его живой и неживой природой, построил свободное общество на основе абсолютной ценности человеческой жизни. В этом обществе царят патриархально-упрощенные отношения между его членами, замкнутое бытовое и духовное пространство рода затрудняет степняку возможность осознать всю сложность и драматичность социально-исторического положения казахской нации в новых исторических условиях, поэтому Станислав-Стамбек с сожалением отмечает, что участие молодых казахов на тыловых работах в годы Первой мировой войны было бы ценно для воспитания социальных чувств и кристаллизации национального самосознания, однако в основных своих контурах это все-таки прообраз той системы человеческих отношений, которая абсолютно ориентирована на достижение блага и счастья каждой отдельной личности.

У святыни всех казахов – Улытауских гор – Стамбек причастился к истокам веры и мужества новообретенного народа. Величественные воспоминания соплеменников о деяниях ханов и батыров всколыхнули пласты его подсознания, и он узрел знак судьбы в том, что оказался у мавзолея своего прямого предка – батыра Едиге в то время, когда его степные братья по крови с оружием в руках защищают свое право на существование, отказавшись подчиниться июньскому указу русского царя от 1916 года о призыве на тыловые работы в чужой для казахов войне.

Автор романа с симпатией представляет перед взором читателей немало картин патриархальной жизни казахов до революции, и в этом он не одинок среди современных казахских писателей. В романах и повестях Абиша Кекильбаева [27], Ануара Алимжанова [28], Оралхана Бокеева [29], Сакена Жунусова [30], Кабдеша Жумадилова [31] в контексте динамических проявлений художественного характера исторической личности или современника часто в ключе положительной оценочности возникают мотивы казахской патриархальности. Художники казахского слова в этом случае единодушно исходят из общего понимания взаимообусловленности привязанности к национальным традициям с крепостью нравственно-этических устоев. Патриархальность признается изначальной средой трансформации общечеловеческих нравственных законов в национальных космосах, и современный интерес к ее канонам есть, безусловно, признак гуманизации общества.

Пафос истинного гуманизма звучит в переживаниях Стамбека Даулеткельдиева при виде наступающего развала аульного быта казахов под натиском революционных событий в России. Он начинает глубоко осознавать всю глубину приближающейся катастрофы для нации, теряющей свои связи с духовными основами (верованиями, языком, уникальной культурой), неразрывно связанными с аульной почвой.

Октябрьская революция стала поворотным пунктом в духовной эволюции героя. Обман, террор, лицемерие отрезвляют героя настолько, что он с сочувствием воспринимает вести о героическом походе добровольческой армии Корнилова и мечтает, на какой-то момент снова почувствовав себя носителем русской дворянской чести, как о счастье состоять в рядах

Добармии. В эти мгновения «погружения» в прошлую жизнь в герое усиливаются угрызения совести от того, что кипучая энергия его молодости была вложена в страшное дело разнуздывания диких разрушительных инстинктов темной массы русских людей. Динамика дистанцирования Стамбека от Станислава Юрьевича В. принимает стремительный характер, в сфере сознания героя наблюдается очевидное раздвоение сознания, ранее не характерное психологическому облику персонажа. В его размышлениях все чаще звучит обвинение в адрес революционеров – организаторов смуты, разворошивших до основания весь прежний уклад жизни. Возникает раскаяние в том, что некогда и ему довелось сеять семена розни в обществе. Герой становится в идейную оппозицию к тем, кто развил идейные традиции русской революционной демократии до масштабов коренной перестройки общества, в котором право на жизнь потеряли целые его слои. После многих вынужденных опасных перекочевок в годы гражданской войны аул Стамбека вернулся в родные края, и казалось, жизнь вошла в свое прежнее русло.

Достаток и довольствие целого рода стали вознаграждением трудовых усилий байской семьи Даулеткельдиевых, но утвердившаяся советская власть стала добиваться такого «равенства», что бездельники и неспособные к работе люди были привлечены к хозяйствованию, и по их скудоумию очень скоро в обширной казахской степи, всегда богатой скотом, начался голод. То, что происходило в годы конфискации, герой отождествляет с адом. Чтобы спасти сородичей от голодной смерти, Стамбек принимает решение – бежать всем аулом от конфискации.

Начинается тернистый путь врага советской власти, приведший к полному отщепенству и добровольному одиночеству в пустыне. Соучастию во вселенском преступлении против человечности, каковым является установление советской власти, герой предпочитает разрыв социальных связей. Но вне человеческого сообщества оставаться до конца жизни ему не дано.

В годы Великой Отечественной войны сбившийся с курса самолет с геологами совершил вынужденную посадку у зимовки героя, и это новое столкновение с построенным социалистическим обществом заканчивается трагически – расстрелом. В этом факте герой тоже находит поучительный смысл. Несгибаемая воля в беспощадной борьбе с новой властью все-таки ослабла, он отпустил с миром нежданных гостей, и это проявление человечности привело к печальному финалу.

После Стамбека остался его дневник, размышления, навеянные чтением «Краткого курса истории ВКП(б)» И.В. Сталина. Названный «антикурсом», дневник разворачивает перед нами всю драму настоящего человека, способного самостоятельно осуществлять свой исторический выбор. И основное резюме его размышлений-исповеди, составляющих содержание и дневника, и романа, – нет такого курса в историческом движении, который бы смог потом служить оправданием его приверженцам в их пренебрежении чужими жизнями и попрании норм общечеловеческой морали.

Реального прототипа Стамбека Даулеткельдиева не существует. Роман Мухтара Магауина «Сары қазақ» – историческая «фантазия». Однако за романтическими условностями сюжета и характера главного героя мы видим успешный опыт писателя в укрупнении современных социальных и нравственных проблем посредством выстраивания художественно-исторического дискурса.

Полученные результаты

Типологическая особенность образа Стамбека Даулеткельдиева тесно связана с авторской творческой задачей представить в романе живой процесс реставрации во многом потерянных современными казахами связей с традиционной национальной культурой прошлых веков. Прослеживается генетическая связь образа главного героя романа «Сары қазақ» с образом Ораза-Мухамеда из предшествовавшего исторического романа-дилогии Магауина «Аласапыран». Историзм социально-нравственных аспектов характера Стамбека Даулеткельдиева восходит к

легендарному облику чингизида Ораза-Мухамеда, приглашенному на государственную службу Борисом Годуновым в далеком XVII веке и оставившим свой героический след в истории России. Ораз-Мухамед стал частью русской элиты своего времени, но сохранил в себе национальный код казахов, который во многом способствовал его возвеличению в инокультурной среде. Потомок одного из таких, как Ораз-Мухамед, казахов из «белой кости», давно принявших российское подданство, в начале XX века осознанно уходит из русского мира и добровольно возлагает на себя обязанность защищать патриархальное казахское общество от агрессивного натиска окружающего мира. Возвращению Самбека Даулеткельдиева на национальную почву предшествует целый ряд социально-психологических предпосылок, объективно мотивирующих глубокий нравственный перелом в его сознании, начало восхождения по пути обретения новой философии истории. Казахи рискуют жизнями, скрывая беглого русского революционера от преследования царскими жандармами. Он наблюдает многочисленные картины насильственного вмешательства в социальный уклад жизни казахов со стороны царской администрации в интересах расширяющейся русской земельной экспансии. В герое просыпается глубоко дремавший в нем национальный ген, многие этнокультурные представления казахов теперь им осмысливаются как бесспорные ценности жизни человека на земле. Близкое знакомство с историей казахской Орды не только вызывает в нем чувства гордости, но и дает начало критическому переосмыслению событий из прошлого России, раньше казавшимися ему бесспорными. Октябрьская революция окончательно проясняет направление эволюции характера героя, теперь решительно отвергающего революционные идеи коренной социальной перестройки общества, которым он в молодости был привержен. Борьба героя с советской властью предстает логическим итогом долгого и мучительного процесса осознания героем невозможности сохранения прежних исторических форм существования казахского этноса. Скорбное содержание дневника-«антикурса» Стамбека проецирует его трагическую судьбу на историю всего казахского народа в советскую эпоху.

Выводы

В романе «Сары қазақ» Мухтар Мағауин продемонстрировал возможности нового художественного историзма, в котором человек – мера всех вещей, неиссякаемый источник исторического обновления и одновременно гарант равновесия природного, духовного и социального. Всем строем сюжетно-композиционной организации романа писатель убедительно доказывает закономерность представленной диалектики художественного характера вымышленной исторической личности, заставляет читателей поверить, что изображенное возможно, могло быть, и тем самым совмещает свой эстетический идеал с историческими задачами, стоящими перед своим народом сегодня. Мағауин-писатель образом Стамбека Даулеткельдиева открыл новый тип национального характера, позволяющий укрупнить современные социальные и нравственные проблемы в пространстве отечественной гуманитарной культуры.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – «Эксмо», 1929, 1963. – 308 с.
2. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высш. шк., 1999. – 398 с.
3. Мағауин М. Шақан-Шері. – Алматы: Жазушы, 1993. – 448 б.
4. Мағауин М. Аласапыран. – Тарихи роман. – Алматы: Жазушы, 1988. – 828 б.
5. Мағауин М. Голубое марево. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – 208 с.
6. Қирабаев С. Шындық пен шеберлік: зерттеулер мен мақалалар. – А.: «Жазушы», 1983. – 280 б.
7. Қирабаев С. Тәуелсіздік рухымен. – Астана: Фолиант, 2002. – 504 б.
8. Нұргали Р. Казахская литература: концепции и жанры. – Астана: Фолиант, 2010. – 503 с.
9. Нұргали Р. Әдебиет теориясы: нұсқалық. I кітап. /Шығармалары. Т. 7. – Астана: Фолиант, 2013. – 344 б.

10. Лансон Г. Метод в истории литературы / Пер. и послесл. М. Гершензона. – М.: Товарищество Мир, 1911. – 428 с.
11. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34-84.
12. Султанов К.К. Национальная самобытность и художественная ценность: к вопросу о взаимодополняемости этнокультурного дискурса и аксиологического подхода // *Studia Litterarum*. – 2018. – Т. 3, № 2. – С. 230-251.
13. Ғабдуллин Н. Уақыт сыры: мақалалар, зерттеулер. – Алматы: Жазушы, 1981. – 232 б.
14. Мүсрепов бағалауындағы Мағауин /Қазақ әдебиеті, газета, 1984 жыл, 27 маусым / <https://m.facebook.com/171637290224578/photos/a.171648513556789/172806866774287>
15. Дәдебаев Ж. Өмір шындығы және көркемдік шешім. – Алматы: Ғылым, 1991. – 208.
16. Джуаньшбеков Н. Мұхтар Мағауин (очерк жизни и творчества). – Алматы: 2004. – 56 с.
17. Тоқсамбаева А.О. Мұхтар Мағауин шығармаларының көркемдік-эстетикалық танымы // «Қазақ әдебиеті». Жинақ. 2005 ж. – № 4. – Б. 17-50.
18. Тоқсанбаева А.М. Мағауин хикаяттарындағы ұлттық характер // Ұлт тағылымы. – 2006. – № 2. – Б. 296-299.
19. Аманжол Қ. Классик немесе Мұхтар Мағауиннің мәңгілік күйі / Егемен Қазақстан – Egemem Qazaqstan. 02 Ақпан, 2010 / <https://egemen.kz/article/1619-klassik-nemese-mukhtar-maghauinninh-manhgilik-kuyi>
20. Майтанов Б.К. Поэтика образа автора // Майтанов Б. Өнегелі өмір. – Алматы: Қазақ университеті, 2017. – 339 б.
21. Елеукенов Ш. Новая литература нового Казахстана / Простор. – 2011. – № 9. – С. 125-136.
22. Хасан С. Мұхтар Мағауин: «Мені жазушылық еңбекке жетелеген – 32-жылғы азап», газета *Ana tili*, 2016, 21 қаңтар, / <http://anatili.kazgazeta.kz/news/34987>
23. Ерзат Еркін. «Сары қазақ» романындағы утопиялық ойдың сарыны. Әдебиет порталы, 2012 жыл, мамыр / https://adebiportal.kz/kz/news/view/sari_kazak_romanindagi_utopiyalik_oidin_sarini__23155
24. Ісімақова А.С. Мұқтар Мағауин және қазіргі прозадағы асыл сөз // Асыл сөздің теориясы. – Алматы: Таңбалы, 2009. – Б. 330-336.
25. Бадиков В. Полет в будущее: о М. Магауине. // С вечностью – на чистоту: очерки современного литературного процесса литературного Казахстана. – Алматы: Алаш, 2014. – С.124-126.
26. Наурызбаева З. О творчестве Мухтара Магуина. Казахская традиция в книге М. Магауина «Я». Әдебиет порталы, 2020/ <http://adebiportal.kz/upload/iblock/a23/a23bcf122163d7e95ad5f610b2289a1f.pdf>
27. Кекильбаев А. Конец легенды. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – 240 с.
28. Алимжанов А. Дорога людей. – Москва: Советский писатель, 1984. – 255 с.
29. Бөкеев О. Қайдасың, қасқа құлыным. – Алматы: Жазушы, 1973. – 200 б.
30. Жунусов С., Распутин В. Тропа. Пожар: повести. – Алма-Ата: Жазушы, 1993. – 220 с.
31. Жұмаділов Қ. Атамекен: роман. – Алматы: Жалын, 1985. – 344 б.

Reference

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. In: M.M. Bakhtin – «Eksmo», 1929, 1963. 308 p. [in Russian].
2. Khalizev V.E. Teoriya literatury [Theory of literature]. M., Vyssh. shk., 1999. 398 p. [in Russian].
3. Magauin M. Shakhan-Sheri. Almaty, Jazushy, 1993. 448 p. [in Kazakh].
4. Magauin M. Alasapyran. – Tarikhi roman [Alasapyran.- Historical novel]. Almaty, Jazushy, 1988. 828 p. [in Kazakh].
5. Magauin M. Goluboe marevo [Blue Haze]. Alma-Ata, Jazushy, 1976. 208 p. [in Russian].
6. Kirabaev S. Shyndyk pen sheberlik: zertteuler men makalalar [Truth and skill: research and articles]. A., «Jazushy», 1983. 280 p. [in Kazakh].
7. Kirabaev S. Tauelsizdik rukhymen [In the spirit of independence]. Astana, Foliant, 2002. 504 p. [in Kazakh].
8. Nurgali R. Kazakhskaya literatura: kontseptsii i janry [Kazakh literature: concepts and genres]. Astana, Foliant, 2010. 503 p. [in Russian].
9. Nurgali R. Adebiet teoriyasy: nuskalyk. I kitap [Theory of literature: instructions. Book I.]. In: Shygarmalary [Compositions]. T.7. Astana, Foliant, 2013. 344 p. [in Kazakh].

10. Lanson G. Metod v istorii literatury [Method in literary history]. Per. i poslesl. M. Gershenzona [Translation and afterword M. Gershenzona]. M., Tovarischestvo Mir, 1911. 428 p. [in Russian].
11. Jauss H.R. Istoriya literatury kak provokatsiya literaturovedeniya [Literary history as a provocation of literary criticism]. In: Novoe literaturnoe obozrenie. 1995. № 12. P. 34-84. [in Russian].
12. Sultanov K.K. Natsionalnaya samobytnost i khudojestvennaya tsennost: k voprosu o vzaimodopolnyaemosti etnokulturnogo diskursa i aksiologicheskogo podkhoda [National identity and artistic value: on the issue of complementarity of ethnocultural discourse and axiological approach]. In: Studia Litterarum. 2018. T. 3, № 2. P. 230-251. [in Russian].
13. Gabdullin N. Uakyt syry: makalalar, zertteuler [Secret of time: articles, research]. Almaty, Jazushy, 1981. 232 p. [in Kazakh].
14. Musrepov bagalauyndagy Magauin [Magauin in Musrepov's assessment]. In: Qazaq Adebieti, gazeta, 1984 jyl, 27 mausym [In: magazine Kazakh Literature, 1984 year, 27th June] / <https://m.facebook.com/171637290224578/photos/a.171648513556789/172806866774287> – [in Kazakh].
15. Dadebaev J. Omir shyndygy jane korkemdik sheshim [Reality of life and artistic solution]. Almaty, Gylym, 1991. 208 p. [in Kazakh].
16. Djuanyshbekov N. Mukhtar Magauin (ocherk jizni i tvorchestva) [Mukhtar Magauin (sketch of life and work)]. Almaty, 2004. 56 p. [in Russian].
17. Toksambaeva A.O. Mukhtar Magauin shygarmalarynyn korkemdik-estetikalyk tanymy [Artistic and aesthetic knowledge of Mukhtar Magauin's works]. In: «Qazaq Adebieti». Jinak [Kazakh Literature. Summarize]. 2005. №4. P. 17-50. [in Kazakh].
18. Toksanbaeva A.M. Magauin khikayattaryndagy ulttyk kharakter [National character in the stories of M. Magauin]. In: Ult tagylymy [Education of nation]. 2006. №2. P. 296-299. [in Kazakh].
19. Amanjol K. Klassik nemese Mukhtar Magauinnyn mangilik kuyi [Classic or eternal state of Mukhtar Magauin]. In: Egemen Qazaqstan [Egemen Kazakhstan, 02 February, 2010]. 02 Aqpan, 2010/ <https://egemen.kz/article/1619-klassik-nemese-mukhtar-magauinninh-manhgilik-kuy> [in Kazakh].
20. Maytanov B. K. Poetika obraza avtora [Poetics of the author's image]. In: Maytanov B. Onegeli omir [Moral life]. Almaty, Kazak universiteti, 2017. 339 p. [in Russian].
21. Eleukenov Sh. Novaya literatura novogo Kazakhstana [New literature of new Kazakhstan]. In: Prostor, 2011, № 9. P. 125-136. [in Russian].
22. Khasan S. Mukhtar Magauin: «Meni jazushylyk enbekke jetelegen – 32-jylgy azap», gazeta Ana tili, 2016, 21 kantar [What led me to writing – the torment of 32, magazine Ana Tili, 2016, 21 January] / <http://anatili.kazgazeta.kz/news/34987> . [in Kazakh].
23. Erzat Erkin. «Sary kazak» romanyndagy utopiyalyk oydyn saryny. Adebiet portaly, 2012 jyl, mamyr [The theme of utopian thought in the novel “Sary Kazakh”. Portal of Literature, 2012 year, May] / https://adebiportal.kz/kz/news/view/sari_kazak_romanindagi_utopiyalik_oidin_sarini_23155–
24. Isimakova A.S. Mukhtar Magauin jane kazirgi prozadagy asyl soz [Mukhtar Magauin and the noble word in modern prose]. In: Asyl sozdin teoriyasy [The theory of the noble word]. Almaty, Tanbaly, 2009. P. 330-336. [in Kazakh].
25. Badikov V. Polet v budushee: o M. Magauine [Flight into the future: about M. Magauin]. In: S vechnostyu – na chistotu: ocherki sovremennogo literaturnogo protsessa literaturnogo Kazakhstana [With eternity – to purity: essays on the modern literary process of literary Kazakhstan]. Almaty, Alash, 2014. P.124-126.
26. Nauryzbaeva Z. O tvorchestve Mukhtara Maguina. Kazakhskaya traditsiya v knige M. Magauina [About the work of Mukhtar Magauin. Kazakh tradition in M. Magauin's book “I”]. In: Adebiet portaly [Literary portal], 2020 / <http://adebiportal.kz/upload/iblock/a23/a23bcf122163d7e95ad5f610b2289a1f.pdf> [in Russian].
27. Kekilbaev A. Konets legendy [The end of the legend]. Alma-Ata, Jalyn, 1979. 240 p. [in Russian].
28. Alimjanov A. Doroga lyudey [The road of people]. Moscow, Sovetskiy pisatel, 1984. 255 p. [in Russian].
29. Bokeev O. Kaydasyn, kaska kulynym [Where are you, my colt]. Almaty, Jazushy, 1973. 200 p. [in Kazakh].
30. Zhunusov S., Rasputin V. Tropa. Pojar: povesti [Path. Fire: a story]. Alma-Ata, Jazushy, 1993. 220 p. [in Russian].
31. Jumadilov K. Atameken: roman [Homeland: novel]. Almaty, Jalyn, 1985. 344 p. [in Kazakh].

С.Ш. Тахан

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы
(E-mail: takhan@mail.ru)*

М.Магауиннің «Сары қазақ» романындағы ұлттық мінездің жаңа тұрпатын бейнелеу мәселесі

Аннотация. Мақалада М. Магауиннің «Сары қазақ» романындағы бас кейіпкердің көркем тұлғасында ұлттық сана-сезім сипаттарының көрініс табу мәселелері қарастырылады. Жағымды кейіпкердің жаңашыл тұрпатын анықтау оның бейнесіне қазақ халқы тарихының философиясын кіріктірумен тығыз байланыста жүзеге асырылады. Роман авторы қазақ халқының өткен ғасырлардағы мәдени-тарихи дәстүрлерінен үзілген рухани байланыстарды қалпына келтіру үдерісін қазіргі заманның нақты әлеуметтік кеңістігінде сомдалған кейіпкер арқылы ұсынған. Ұлттық мінезді суреттеумен қатар кейіпкердің іс-әрекеттері мен ойлары ұлттық-халықтық, әлеуметтік болмыстың нақты бітімдері және құбылыстарымен үлкен тарихи уақыт аясында ұштастырыла бейнеленеді. Жазушы романның өзі түзген күллі сюжеттік-композициялық құрылымы арқылы ойдан шығарылған тарихи тұлғаның көркем бейнесі диалектикасының қисындылығын сенімді түрде дәлелдейді, суреттелген оқиғаның шындығына сендіреді және сол арқылы өзінің эстетикалық мұратын бүгінгі қазақстандық қоғам алдында тұрған тарихи міндеттермен үйлестіреді.

Кілт сөздер: көркем бейне, ұлттық мінез, тарихилық, сюжет.

S.Sh. Takhan

*L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
(E-mail: takhan@mail.ru)*

A New Type of National Character as Depicted in with Capital Letter M. Magauin's Novel «Sary Kazakh»

Abstract. The article examines the national type of consciousness as manifested in the protagonist of M. Magauin's novel «SaryKazakh». This type of positive hero's novelty is determined as closely associated with the character reflecting the philosophy of the Kazakh people's history. Throughout the character's formation the author depicts in a real contemporary social space the restoration of the Kazakh people's broken spiritual ties with the past centuries' cultural and historical traditions. The national character is revealed in the depicted conflicts and in the correlations of his actions and thoughts with the realities and phenomena of national social life over a large historical span. With the novel's whole structure and plot composition, the writer confidently proves that the dialectic of this fictional historical person's character is logical and convinces us fully that the depicted is possible, aligning his aesthetic ideal with the historical tasks facing contemporary Kazakhstani society.

Keywords: fictional character, national type, historicism, plot.

Сведения об авторе:

Тахан Серік Шешенбайұлы, доктор филологических наук, профессор кафедры телерадио и связей с общественностью факультета журналистики и политологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, Нур-Султан, Республика Казахстан.

Автор туралы мәлімет:

Тахан Серік Шешенбайұлы, филология ғылымдарының докторы, журналистика және саясаттану факультетінің телерадио және қоғаммен байланыс кафедрасының профессоры, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Сатпаев көшесі, 2, Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы.

Information about author:

Takhan Serik Sheshenbayuly, Professor of Department of Teleradio and Public Relations, Faculty of Journalism and Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev str., Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan.